6. *Mufwene, S.S.* et al. African-American English: structure, history and use. / S. Mufwene, J. Rickford, G. Bailey, J. Baugh. – London; N. Y., 1998.

7. *Winford, Donald* (1992), "Back to the past: The BEV/creole connection revisited", Language Variation and Change 4 (3): 311–357, doi:10.1017/S0954394500000831

УДК 81’42

Ю.О. Кальниченко
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И.А. Мартьянова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ ИНТРПРЕТАЦИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПОВЕСТИ В.В. НАБОКОВА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»

В статье рассматриваются функционально-композиционные особенности многокомпонентных сложных высказываний в повести В.В. Набокова «Другие берега» и определяется их роль в раскрытии авторского замысла.

Многокомпонентное сложное высказывание, текст, стиль, функционально-композиционные типы речи, композиционно-синтаксическая организация текста.

The article considers functional and compositional features of multicomponent complex utterances in V.V. Nabokov's novel "Other shore" and their role in revealing the author's idea is defined.

Multi-component complex utterance, text, style, functional and compositional types of speech, compositional-syntactic organization of the text.

Творчеству В.В. Набокова посвящено большое количество литературоведческих и лингвистических исследований. В работах отечественных (О. Дарк, А. Долинин, А. Мулярчик, О. Сконечная и др.) и зарубежных (Н. Букс, Л. Геллер, И. Паперно, Дж. Грейсон) ученых [10] внимание главным образом уделяется изучению стиля, особенностей лексической организации произведений писателя, анализу сюжета. Вопрос о специфике композиционно-синтаксической организации прозы В. Набокова остается по большей части неразрешенным.

Между тем организация текста вызывала пристальный интерес Набокова, в «Лекциях по зарубежной литературе» он отмечал: «…кружево, узоры, ткань одновременно эмоциональная и логическая, изящная и полная смысла текстура – вот что такое стиль, вот что составляет основу писательского мастерства» [9, с. 102].

А. Битов заметил: «Превращение жизни в текст (воображение) подобно возвращению текста в жизнь (память)» [1, с. 23]. Тема памяти, воплощенная в образе Мнемозины, является центральной в «Других берегах». У писателя, как отмечал М. Липовецкий, «память предстает как глубоко нравственное начало, противостоящее беспамятству, забвению и хаосу, как основа веры и творчества» [цит. по 10, с. 664]. Она определяет ассоциативность повествовательной структуры, особенности хронотопа.

Так, символичный образ «колыбели, качающейся над бездной» в абсолютном начале повести настраивает героя на раздумья о непостижимых законах времени, гранях бытия и небытия, «побуждают высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни» [10, с. 664]:

> Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, в которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час.

«Старомодная архаичность» (Мнемозина) еще более остраняет и саму тему времени, переходящую в тему торжествующей жизни (сопряжение временных планов настоящего, прошлого и вечного), и новаторство ее композиционно-синтаксического выражения [6, с. 213]. Повествование представляет собой редуцированную демонстрацию событий, связанную с мифологизацией сознания.

Анализ повествовательного уровня предполагает обращение исследователя и к проблеме автора. Образ автора, представляя собой «фокус целого» [2, с. 118], на страницах повести многолик – это и сам автор, лирический герой воспоминаний, его двойник или бесплотный представитель. Эти типы образа автора не противопоставляются друг другу, а взаимопредполагают друг друга [6, с. 214].

> Я не поехал встречать ее на Сиверскую, железнодорожную остановку в девяти верстах от нас; но теперь высылаю туда призрачного представителя и через него вижу ясно...

В «Других берегах» доминирует редуцированная демонстрация событий, связанная с мифологизацией авторского сознания. При этом у читателя складывается ощущение не фрагментарного повествования, а целого, неделимого развертывания событий во времени и пространстве.

Одной из особенностей текстовой организации повести «Другие берега» является широкое употребление многокомпонентных сложных высказываний (МСВ), которые невозможно интерпретировать в отрыве от общего замысла произведения. МСВ играют важную роль в создании художественного образа: они устраняют течение времени, связывая прошлое и настоящее в «круге вечности, бессмертия».

Внимание к сложным высказываниям неоднократно было привлечено в работах отечественных лингвистов (Г.Ф. Гаврилова [3], Г.Ф. Калашникова [5], А.В. Андрусенко [8]), по-разному трактовавших МСВ. Одни синтаксисты не выделяли такие единицы в самостоятельный тип МСВ, другие же считали их особыми сложными конструкциями.

Как отмечает И.А. Мартьянова, в настоящее время герметический подход (в рамках предложения) к МСВ в определенной мере себя исчерпал [7, с. 147]. Он должен быть дополнен выходом в текст, что является важным для дифференциации собственно предложений и текстовых образований, построенных на единстве микротемы, интонации, выражения текстовых категорий связности, модальности, цельности.

МСВ в повести В.В. Набокова различны по своей природе – это текстовые реализации сложных предложений (а), явления текста, пунктуационно оформленные как предложения (б), а также их синкретичные образования (в), совмещающие черты первого и второго.

(а) Когда, на таких поездках, Норд-Экспрессу случалось замедлить ход, чтобы величаво влачиться через большой немецкий город, где он чуть не задевал фронтонов домов, я испытывал двоякое наслаждение, которое тупик конечного вокзала мне доставить не мог.

(б) Знатоки различают несколько школ задачного искусства: англо-американская сочетает чистоту конструкции с ослепительнымтематическим вымыслом; сказочным чем-то поражают оригинально-уродливые трехходовки готической школы; неприятны своей пустотой и ложным лоском произведения чешских композиторов, ограничивших себя искусственными правилами; в свое время Россия изобрела гениальные этюды, ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения бездарных заданий.

(в) Проходили продавцы разной соблазнительной дряни: орешков чуть слаще моря, витых, золотых леденцов, засахаренных фиалок, нежно-зеленого мороженого и громадных ломких, вогнутых вафель, содержавшихся в красном жестяном бочонке: старый вафельщик с этой тяжелой штукой на согнутой спине быстро шагал по глубокому мучнистому песку, а когда его подзывали, он, рванув ее за ремень, сваливал с плеча на песок и ставил стойком свою красную посудину, затем стирал пот с лица и, получив один су, пальцем приводил в трескучее движение стрелку лотерейного счастья, вращающуюся по циферблату на крышке бочонка: фортуне полагалось определять размер порции, и чем больше выходил кусок вафли, тем мне жальче бывало торговца.

Для того чтобы осознать функции МСВ, их роль в создании макро-и микрокомпозиции речи, необходимо определить соответствующий ракурс анализа. Характер интерпретации МСВ должен быть связан с идейными составляющими произведения – образами памяти и времени. Темпоральный критерий наиболее полно представлен в концепции функцинально-композиционных типов речи: «демонстрационного», «информационного» и «сентенционного» [4, с. 224]. Текстовые явления, оформленные как МСВ, в своем развертывании чаще всего ориентируется на демонстрационный тип речи (ДТР), который ориентирован на «динамическое изображение наблюдаемого, детализированный показ действительности, высокую степень плотности процессуального и предметного ряда» [4, с. 149].

…посреди дома, вырастая из длинного, залоподобного помещения или внутренней галереи, сразу за вестибюлем, поднимается на второй этаж, широко и полого, чугунная лестница; паркетная площадка второго этажа, как палуба, обрамляет пролет с четырех сторон, а наверху – стеклянный свод и бледно-зеленое небо.

При выборе ДТР пишущий обнаруживает стремление раздвинуть временные рамки, передать особую плотность бытия. Время текста растягивается по сравнению с временем истории благодаря сравнительным оборотам (*как палуба*), рядам однородных определений (*длинного, залоподобного*).

Информационный тип (ИТР) представляет собой краткий рассказ о действительности, осложненный монологами несобственно-прямой речи или маркерами времени [4, с. 73].

Я люблю сцепление времен: когда она [мать. – Ю.К.] гостила девочкой у своего деда, старика Василья Рукавишникова, в его крымском имении, Айвазовский, очень посредственный, но очень знаменитый маринист того времени, рассказывал в ее присутствии, как он, юношей, видел Пушкина и его высокую жену …

Время текста меньше времени истории: оно охватывает столетие упоминаемых событий. Развертывая ИТР, пишущий огромную часть жизни в одном МСВ, создавая сцепление времен от событий, связанных с матерью, дедом, Айвазовским и Пушкиным.

В следующем фрагменте граница двух самостоятельных предложений в составе МСВ обозначена точкой с запятой. При наличии общего тематического единства его части лишены структурной целостности:

Я научился читать по-английски раньше, чем по-русски; некоторая неприятная для непетербургского слуха – да и для меня самого, когда слышу себя на пластинке - брезгливость произношения в разговорном русском языке сохранилась у меня и по сей день (помню при первой встрече, в 1945 что ли году, в Америке, биолог Добжанский наивно мне заметил: «А здорово, батенька, вы позабыли родную речь»).

Маркерами исторического времени в сжатом времени текста являются: *1945 (год), по сей день, раньше*. Описываемые события охватывают большой период жизни Набокова: начиная с детских воспоминаний до дней эмиграции, где он уже «*позабыл родную речь*».

В сентенционном типе речи (СТР) время текста затягивается, в то время как время событийное стремится к нулю («вечности»). Это позволяет понять высказывание В.В. Набокова в одном из интервью, где он подчеркивал, что «память, как и творческая фантазия, отменяет время» [цит. по 10, с. 16]. СТР реализуется в качестве авторских отступлений обобщенного характера, отличается «строгими грамматическими формами высказывания» (сложноподчиненные с придаточными обусловленности, обобщенно-личные предложения и др.) [4, с. 76]:

И вот еще соображение: сдается мне, что в смысле этого раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба в предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда прелестную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души и тем, что по годам им еще не причиталось.

Набоков обладал пластическим ощущением времени. Во многом благодаря функционально-композиционному варьированию МСВ, тема памяти получает развитие в разных формах его воплощения. Сближение предложения и текста – не частная идиостилевая черта, а симптоматичный показатель развертывания современного прозаического дискурса. МСВ имеют разные стимулы функционирования в современной прозе Т. Толстой, Л. Улицкой, В. Маканина, В. Пелевина, Д. Рубиной и др. (как с ориентацией на модель предложения, так и сложного тематического целого):

А она заслужила право на счастье, она имела все основания занять очередь туда, где его выдают: лицо у нее было белое и красивое, брови широкие, черные гладкие волосы низко начинались на висках, и сзади – пучок (Т. Толстая «Поэт и муза»).

Функционально-композиционная интерпретация МСВ позволяет глубже понять не только художественное своеобразие повести В.В. Набокова «Другие берега», но и тенденции развития современной русской прозы.

Литература

1. *Битов, А.* Ясность бессмертия. Смерть как текст / А. Битов // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Т. 1. – СПб, 1997. – С. 12 – 27.

2. *Виноградов, В.В.* Проблема автора в художественной литературе / В.В. Виноградов // О теории художественной речи. – М., 1971.

3. *Гаврилова, Г.Ф.* Усложненное сложное предложение в русском языке / Г.Ф. Гаврилова. – Ростов н/Д, 1979.

4. *Ильенко, С.Г.* Русистика / С.Г. Ильенко. – СПб., 2003.

5. *Калашникова, Г.Ф.* Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке / Г.Ф. Калашникова. – Харьков, 1979.

6. *Мартьянова, И.А.* Кинематограф русского текста / И.А. Мартьянова. – СПб, 2011.

7. *Мартьянова, И.А.* Континуальность современного текста: «возвращение» в структуру сложного предложения / И.А. Мартьянова // Дискретность и континуальность в языке и тексте: Материалы Международной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» 15 – 16 октября 2009 г. / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск, 2009. – С. 144 – 154.

8. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке / под ред. А.В. Андрусенко. – Комсомольск-на-Амуре, 1994.

9. *Набоков, В.В.* Лекции по зарубежной литературе. – М., 1977.

10. *Набоков, В.В.* PRO ET CONTRA. – М., 1997. – Т. 1.

УДК 82. 0 (470)

М.Н. Кузьмина

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Г.Ю. Филипповский

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПОЭЗИИ ЯРОСЛАВСКОГО ПОЭТА К. ВАСИЛЬЕВА КАК ПОЭТА-ПОЧВЕННИКА

Автор статьи рассматривает творчество Константина Васильева как поэта «почвенного» направления в свете традиций русской христианской философии, вследствие чего основными темами его поэзии являются тема родной земли и православной веры. К. Васильев собственное православное мировосприятие, пронесенное через бездуховное советское прошлое и лишенное ориентиров настоящее, выражает в своей поэзии через активное использование церковной лексики, символики, библейских сюжетов, неизменно обращаясь к идее духовного единения народа.

Поэт «почвенного» направления, тема родной земли и православной веры, православное мировосприятие, церковная лексика, нравственные заповеди христианства.

This article considers Konstantin Vasiliev's works as a poet of nationalistic school in traditions of Russian Christian philosophy. The theme of native land and Christian faith are considered to be the main themes of his poetry. K. Vasiliev expresses his orthodox